

Цяо Цзин изначально планировал немного погулять с Чэнь Суйхуаем по кампусу, а затем проводить его к тому зданию Китайско-зарубежного совместного института, которое своим роскошным видом столь сильно выбивалось из общего облика всего университета.

Однако Чэнь Суйхуай казался скованным лишь в самом начале, когда они только ступили на территорию кампуса, но вскоре стал вести себя так, будто прожил здесь уже какое-то время. Иногда, стоило Цяо Цзину только собраться подсказать, куда повернуть, как Чэнь Суйхуай уже уверенно сворачивал за угол первым.

— Я заранее изучил карту, — объяснил Чэнь Суйхуай в ответ на недоумение Цяо Цзина.

Хотя в своё время Чэнь Суйхуай поступил на год позже остальных, он обладал выдающимися способностями к обучению и мастерски управлял временем. Мало того что за три года он досрочно закрыл все требования по обязательным кредитам для получения двойного диплома, так еще и из года в год забирал все стипендии благодаря отличной успеваемости.

Даже если вычесть почти год, ушедший на общественную практику и зарубежный обмен, Чэнь Суйхуай провёл в Университете С. немало сезонов.

Просто прошло уже немало времени, и, ступив на территорию кампуса, он неизбежно испытал мимолётное чувство нереальности происходящего, похожее на ощущение целой прожитой жизни, что и создало у Цяо Цзина ложное впечатление его «скованности».

Стоило Чэнь Суйхуаю освоиться, как отпала всякая необходимость в том, чтобы Цяо Цзин показывал ему дорогу или объяснял, где находится тот или иной факультет.

Цяо Цзин невольно улыбнулся.

Чэнь Суйхуай не выспался за всю ночь — неужели он, прямо как сам Цяо Цзин накануне собственного поступления, просидел всю ночь напролёт на форумах, изучая карты и фотографии университетского городка, чтобы заранее со всем ознакомиться?

Строго говоря, нельзя было сказать, что Чэнь Суйхуай напугал Цяо Цзина.

Рост Цяо Цзина по меркам парней никогда не считался особо маленьким, просто при росте метр семьдесят шесть, какими бы пропорциональными ни были ноги, они казались длинными разве что среди людей того же роста, и тягаться с таким парнем, как Чэнь Суйхуай, чей рост приближался к метру девяноста, было совершенно бесполезно.

Рядом внезапно раздался нейтральный женский голос, подхвативший слова Цяо Цзина:

— Над чем это ты хихикаешь?

Этот смех прозвучал так отчетливо, что Чэнь Суйхуай просто не мог сделать вид, будто ничего не слышал.

Цяо Цзин, ускорив шаг, чтобы не отставать, сделал голос еще мягче:

— Прости, я был неправ, не стоило над тобой смеяться. Даже если ты заранее изучил карту, тебе всё равно понадобится время, чтобы найти учебный отдел и главные ворота, я-то всяко проведу тебя быстрее, верно? Иди потише, ты что, издеваешься над моими короткими ногами?

Цяо Цзин: «...Я же просто из вежливости».

Поколебавшись пару секунд, Чэнь Суйхуай молча повернулся и зашагал прочь, оставив потерявшегося Цяо Цзина стоять на прежнем месте.

Поначалу Чэнь Суйхуай даже испытал некоторое удовольствие от того, что Цяо Цзин признал свои ноги короткими, но, расслышав, что тот добавил следом, его лицо вмиг помрачнело еще сильнее.

— Эй? Да всё в порядке, у меня сегодня нет ранних пар, я просто пришёл составить тебе компанию...

Чэнь Суйхуай чувствовал, что должен что-то сказать, но в то же время полагал, что Цяо Цзин слишком уж уязвим — это его собственные проблемы.

— Ах... я даже толком успокоить его не успел, — тихо произнес Цяо Цзин. — Высокий рост — это всё-таки другое дело, шагает так резво.

Однако выражение лица и тон, с которыми тот только что заговорил, живо напомнили Цяо Цзину о Цяо Яне.

Чэнь Суйхуай понятия не имел, какие именно картины рисует воображение Цяо Цзина, но ему претило видеть эти изогнутые в улыбке глаза, поэтому он с мрачным лицом замер на месте, прекратив движение.

То ли тон Чэнь Суйхуая прозвучал слишком резко, то ли взгляд, которым он окинул его, был чересчур ледяным, но Цяо Цзин словно врос в землю, а его успокаивающее выражение лица вмиг застыло.

Как он вообще умудрился напугать Цяо Цзина?

И впрямь суший кролик.

Это была девушка со стильной стрижкой «волчий хвост», в ярко-синей рубашке и чёрных брюках-карго; от нее так и веяло дерзкой и собранной энергией.

— Кто злится? — чеканя каждое слово, произнес Чэнь Суйхуай. — Я же сказал, я пойду сам.

К тому же их схожее высокое телосложение заставляло Цяо Цзина помимо воли поддаваться рефлекторной реакции — он застыл на месте, не смея произнести ни звука.

Он с ног до головы окинул взглядом наряд Сы Инин и не удержался от смеха:

— Даже если ты поссорилась с тётушкой, не стоит нарочно так наряжаться. Кто покрасил тебе эти пряди в зелёный цвет? Тебе же самой этот стиль не нравится.

Цяо Цзин тут же сгнал с лица тревогу и радостно поприветствовал её:

— Инин, ты чего здесь?

Он полагал, что в порыве гнева Чэнь Суйхуай не станет слушать никаких оправданий, но, к его удивлению, выслушав его, тот действительно сбавил шаг и даже снизошел до ответа:

— Коротковаты, это точно.

Иногда он мог добавить еще кое-что: «Я не хочу больше вести с тобой этот разговор, так что пеняй на себя».

Появляясь на публике и в большинстве неформальных ситуаций, Цяо Янь поддерживал образ утонченного и мягкого человека, столь любимый успешными предпринимателями: он говорил неторопливо, ровным и мягким голосом. Но стоило ему разозлиться, как его голос не только не повышался, но, напротив, становился еще ниже обычного, после чего он начинал чеканить каждое слово, придавая речи особую весомость.

Хотя Чэнь Суйхуай легко выходил из себя из-за всяких мелочей, на удивление, его было очень легко успокоить: стоило Цяо Цзину достаточно быстро принести извинения, как тот уже не принимался всерьёз чинить ему неприятности.

Ему хотелось едва ли не бегом броситься за Чэнь Суйхуаем.

С кем, по мнению Цяо Цзина, он сейчас разговаривает?

В этом теле юноши, которому еще не исполнилось девятнадцати лет, обитала тридцатипятилетняя душа. С каким это лицом и на каком основании Цяо Цзин пытался

бросаться в его адрес словечками вроде «попослушный», словно сюсюкаясь с ребёнком?

— Ладно-ладно, не злись, веди себя хорошо.

Разве Цяо Цзин так легко поддается испугу?

Например, когда Цяо Янь сердился на него, он чаще всего говорил: «Я же сказал: никаких занятий живописью, и точка».

Чэнь Суйхуай привык командовать парадом в компании, и порой, когда подчиненные приносили невнятные отчеты, он отчитывал их еще более суровым тоном.

Цяо Цзин обнаружил, что не только слова и тон, но даже выражение хмурящегося лица Чэнь Суйхуая удивительным образом совпадали с образом Цяо Яня.

На сей раз Чэнь Суйхуай оказался не столь отходчив: его лицо по-прежнему было обращено строго вперед, лишь скосив глаза в сторону Цяо Цзина, он ледяным тоном бросил:

— Возвращайся на свой факультет, дальше я пойду сам.

Заметив, что спутник отстал, Цяо Цзин тут же принялся извиняться. После нескольких невольных «столкновений» с Чэнь Суйхуаем Цяо Цзин решил, что уже научился различать, когда тот злится по-настоящему, а когда просто напускает на себя ледяной вид, пытается скрыть собственное смущение.

В прошлой жизни, когда им было по двадцать с небольшим, у него и в мыслях не было права говорить ему такое.

Сдерживая этот странный порыв, Чэнь Суйхуай снова и снова прокручивал в голове вопрос: неужели его слова прозвучали так уж сурово? Ничего подобного, он вовсе так не считал.

Чэнь Суйхуай бесцеремонно оборвал его:

— Мне не нужна твоя компания. — С этими словами он сделал широкий шаг, обошел Цяо Цзина и двинулся вперед.

А потому он искренне не понимал, что в его словах могло показаться Цяо Цзину чересчур резким. Просто... тон оказался чуть тяжелее обычного, вот и всё.

Он и сам не знал, что с ним творится: не успел отойти и на два шага, как ему ужасно захотелось оглянуться — проверить, остался ли Цяо Цзин на прежнем месте и какое у него

сейчас выражении лица.

Просто чертовщина какая-то.

Опомнившись, он обнаружил, что Чэнь Суйхуай уже ушёл далеко вперёд.

— Разве не здорово? Какой бы стиль ни выводил из себя моих предков, именно его я сейчас и предпочитаю.

Это была соседка Цяо Цзина, с которой они выросли вместе — Сы Инин.

В детстве Сы Инин была самой яркой среди сверстников, настоящей миниатюрной принцессой, похожей на фарфоровую куклу. Ее отец занимался бизнесом, а мать была профессором экономики в университете, и воспитывать её планировали как благородную девицу и элиту делового мира.

Кто бы мог подумать, что с юных лет Сы Инин отличалась на редкость упрямым нравом. Если элитного образования под давлением учителей и родителей избежать не удавалось, она из всех сил отрывалась на собственном стиле, стараясь выделиться из толпы.

В то время как другие девочки щеголяли в брендовой детской одежде, выглядя точь-в-точь как модели-аристократки со страниц модных журналов, Сы Инин принялась неистово обвешивать себя кружевами, ее подъюбки становились всё пышнее, а коллекция разноцветных бантов пополнилась экземплярами всех мыслимых оттенков радуги.

Как-то раз во время школьных каникул в старших классах класс организовал поездку на природу, и некоторые девочки воспользовались случаем и надели платья в стиле лолита. Кое-кто из парней, совершенно не смысливших в подобных вещах, принялся отпускать громкие и странные комментарии. Тогда Цяо Цзин подошел к девочкам, загородив их от этих оценивающих взглядов, и с любопытством спросил: «Разве повседневная одежда девочек не выглядит именно так? Чего вы все всполошились?»

Позже этот случай попал в социальные сети, и Цяо Цзин получил ярлык «первого красавца школы с безупречными взглядами на жизнь и уважением к девушкам», завоевав немалую популярность в кругах старшеклассников города С.

Цяо Цзин так до конца и не понял, что именно в его словах заслужило столь громких похвал. Он искренне так думал, в конце концов, Сы Инин, с которой он рос бок о бок, каждый день носила именно такие наряды.

Поэтому ему было невероятно трудно смириться с тем, что, стоило минут выходным, как Сы Инин вдруг облачилась в этот дерзкий наряд.

Хотя именно такой внешний вид куда больше соответствовал ее истинному характеру.

— Плевать на мой вид, скоро привыкнешь. Лучше быстро расскажи, что за красавец тут с тобой ошивался?

— ... — Цяо Цзин окинул взглядом студентов, чьи ряды заметно поредели из-за приближения ранних пар, и понизил голос: — Тот самый «сын» моего папаши, о котором я тебе тогда докладывал.

Сы Инин: — ...Прошу прощения, красавцем он больше не кажется.

— По-моему, очень даже неплохо. Ты только посмотри, какая у моего брата здоровая кожа. — В новой одежде он выглядел как избалованный аристократический юноша, любящий активный отдых на природе.

— ...Ты и это готов защищать? — Сы Инин хотела сказать что-то еще, но вовремя прикусила язык. — Я же ясно видела, как эта физиономия смотрела на тебя с чистейшим раздражением. Смотри у меня, опять не пылай праведным гневом и не делай глупостей в духе господина Дунго.

Беспокойство Сы Инин не было личено оснований.

Казалось, Цяо Цзин от рождения был обделен толикой бдительности, из-за чего с самого детства изрядно страдал от собственной наивности.

Если выражаться точнее, он слишком легко погружался в собственный мир: чужую доброжелательность воспринимал с опозданием, а чужую злобу — и того позже.

С доброжелательностью еще куда ни шло: Цяо Цзин со всеми держался вежливо и источал энтузиазм, всегда успевая вовремя отблагодарить хороших людей. Но вот со злобой... Цяо Цзин не только позволял себя обмануть и сам же помогал обидчикам пересчитывать деньги, но вдобавок мог отдать им половину собственного состояния.

Взять хотя бы ту историю, когда Цяо Цзин признался Чэнь Суйхуаю, что раньше был болтлив и рассказывал друзьям обо всём на свете, а «лучший друг» перекрутил его слова и пустил мерзкие слухи — сколько раз Сы Инин приходилось разбираться с подобным!

В первые несколько раз, когда Сы Инин в своем розовом кружевном платье приволокла к Цяо Цзину избитого до синяков сплетника, Цяо Цзин еще принимался защищать виновника: мол, тут наверняка какое-то недоразумение, он же не со зла, да и вообще мы отлично ладим.

Лишь после того, как Сы Инин парочку раз от души отлупила и самого Цяо Цзина прицепом, до него наконец дошло: то, что он принимал за хорошее отношение, далеко не всегда таковым являлось. По правде говоря, обидчики даже не утруждались скрывать свои истинные лица — любой другой на его месте давным-давно пресек бы подобные выпады, и лишь его собственная слепота мешала ему разглядеть людей.

Даже раз за разом наступая на одни и те же грабли, он всё равно брал половину вины на себя, обвиняя себя в неумении выбирать друзей.

— Да ты просто эталонный пример человека, прошедшего успешную промывку мозгов.

В те дни Сы Инин была готова вывесить у входа в дом Цяо Цзина транспарант с надписью: «Не ищи вину в себе, вини во всём окружающих», лишь бы выбить всю эту дурь из его головы.

Позже она осознала: некоторые люди, должно быть, рождаются на свет лишь для того, чтобы прибавить этому миру немного света. Они оптимистичны и добры, склонны толковать любые поступки с самой лучшей стороны, и на самом деле это истинный дар небес человечеству.

Вот только большинство людей не доросли до такого подарка. Чувствуя себя ослепленными их чистотой, они стремятся измазать белые листы мирской грязью, чтобы те испачкались в тине точно так же, как и они сами.

Разве можно считать их виной то, что они не вписываются в общую массу и подвергаются травле и изоляции под самыми благовидными или презрительными прозвищами?

Если бы Цяо Цзин изменился кардинально, он бы просто перестал быть Цяо Цзином.

Поэтому Сы Инин оставила попытки переделать Цяо Цзина. Куда больше ее волновало другое — сделать так, чтобы этот чистый лист осознал свою хрупкость: Цяо Цзин мог проявлять заботу об окружающих, но должен был твердо знать, как вовремя унести ноги.

Обжигался молоком, а дул на воду всегда Цяо Цзин, но дрожать от страха при виде любой веревки приходилось выросшей с ним бок о бок Сы Инин.

К счастью, наивность Цяо Цзина пока еще не имела ничего общего с глупостью. Позже Сы Инин придумывала всё больше изощренных способов проучить негодяев, действуя при этом так тонко, что не оставляла никаких улик — и в этом немалая заслуга принадлежала самому Цяо Цзиню.

Правда, он научился лишь замечать следы и понимать, о чём стоит помалкивать, а когда лучше вообще промолчать, но так и не смог заглушить в себе врождённое милосердие и перестать последней рубашкой делиться с ближним.

Стоило ему решить, что у Чэнь Суйхуаи горькая судьба, как он тут же взял за правило опекать его.

— Но Суйхуай — он другой.

Сы Инин ответила:

— Ну да, в прошлый, позапрошлый и во все предыдущие разы ты говорил ровно то же самое.

Цяо Цзин потер кончик носа и виновато усмехнулся, не смея больше спорить.

— Ладно. У тебя вроде бы мягкий характер, но если ты что-то решил, тебя и восемью волами с места не сдвинешь. Я так, к слову сказала, у меня нет полномочий лезть в дела твоей семьи.

Цяо Цзин тут же ухватился за возможность сменить тему:

— Кстати, вам, филологам, вообще-то в другую сторону. Какого черта тебя занесло сюда спозаранку?

Сы Инин указала в сторону учебного отдела:

— Иду отменять курс. Сегодня в десять утра истекает срок отказа от факультативов за этот семестр, а процедура оформлений такая муторная. Говорят, в последние дни из-за очередей приходится стоять по часу-полтора, вот и пришлось тащиться сюда с утра пораньше.

— Отменять какой курс?

— Ты еще спрашиваешь! Фьючерсы и опционы! Шагом марш, составишь мне компанию, будешь стоять в очереди на отмену.

Цяо Цзин послушно поплелся следом.

В конце концов, если разобраться, в этой истории была и его немалая вина.

В Университете С., за исключением сугубо профильных направлений вроде искусств или химии, подавляющее большинство факультативов при подаче заявки не только не ограничивало студентов по специальностям, но даже не ставило рамок по курсам — в скобках рядом с названием значилась лишь рекомендация: факультатив для старше/младшекурсников.

В начале семестра, выбирая дисциплины, Сы Инин подошла к Цяо Цзину:

— Мне не хватает четырех кредитов, помоги выбрать что-нибудь попроще, чтобы без напряжения набрать баллы.

Цяо Цзин пролистал пару страниц в системе выбора предметов и ткнул пальцем в одну из строк:

— Вот этот неплох.

Сы Инин засомневалась:

— В этой группе всего человек сорок-пятьдесят, точно справимся?

Родители Сы Инин питали к ней ровно те же надежды, что и Цяо Янь к Цяо Цзиню — оба семейства страстно желали, чтобы те пошли в бизнес и в будущем унаследовали семейное дело.

В отличие от Цяо Цзина, который не смог сопротивляться и в итоге пошел на компромисс, Сы Инин втайне изменила свой выбор при поступлении. Впрочем, в отличие от Цяо Цзина, у которого были четкие идеалы и увлечения, Сы Инин не испытывала ни малейшего интереса к литературе, истории и языкам. Когда она втайне меняла специальность, ею двигало чистое бунтарство: лишь бы вырваться из-под родительской опеки, сгодились бы абсолютно всё.

Поэтому, когда дело было сделано и пути назад уже не оставалось, к учебе Сы Инин относилась спустя рукава. Но даже не удосужившись заблаговременно изучить вопрос, она прекрасно знала: чем больше академическая группа, тем проще отсидеться, а чем меньше народу, тем выше риск попасться на глаза преподавателю, запомнившему её лицо, и выслушать лекцию о дисциплине.

Однако Цяо Цзин заявил с абсолютной уверенностью:

— Фьючерсы и опционы. Одно название говорит о том, что халявный предмет.

Сы Инин всё еще сомневалась:

— Надежно? Смотри, тут в скобках даже написано, что предмет рекомендуется для третьего-четвертого курсов.

— По-моему, никаких проблем, — веско возразил Цяо Цзин. — Разные там дисциплины по профориентации наверняка рассчитаны на старшекурсников. Ты ведь и сама еще не решила, чем хочешь заниматься в будущем, послушаешь этот курс, глядишь, натолкнет на какие-то мысли.

— Ты прав. — Обсудив всё это, пара влюбленных в безделье набрала-таки кредиты.

Но уже на первом занятии Сы Инин поняла, что дело нечисто: преподавателем оказался пухлый седовласый мужчина лет пятидесяти с лишним, который без лишних предисловий принялся выводить на доске математические модели.

— Сплошное математическое моделирование! Ты представляешь, сколько материалов я перелопатила за неделю после вводной лекции, просто чтобы въехать в тему? Представляешь, в какой ступор я впала, когда увидела первое домашнее задание?

Цяо Цзин принялся обмахивать Сы Инин ладонью, пытаясь остудить её пыл:

— Кто же знал, что в переводе это не будущее и выбор, а фьючерсы и опционы... По-моему, тут надо винить университет: какого чёрта нормальные факультативы подписывают по-английски, кто ж разберёт!

— Так ведь курс открыт на базе этого факультета... — Сы Инин бессильно ткнула пальцем в сторону стоявшего неподалеку здания Китайско-зарубежного совместного института.

— Но если подумать, ты ведь и впрямь умудрялась следить за ходом занятий, профессор даже хвалил тебя, помнишь? — Этот факт поразил не только Цяо Цзина: старшекурсники, ассистенты и даже сам профессор поначалу от души потешались над ошибкой Сы Инин, но вскоре были сражены наповал её поразительным пониманием предмета и врождённым талантом, после чего оставили попытки отговорить её от курса.

Стоит отметить, что во многих дисциплинах пара бессонных ночей и пара ворохов прштудированных материалов вовсе не гарантируют, что ты сможешь вникнуть в суть дела и тем более быстро догнать остальных.

Кто бы мог подумать, что в конце концов Сы Инин всё равно упрямо решит бросить этот предмет.

— Я пришла в университет наслаждаться студенческой юностью, а не ковыряться в цифрах в компании этих зубрил.

Цяо Цзин, которого насильно заставили погрузиться в математику, испытывал к решимости Сы Инин самую черную зависть.

— А главное... эти две недели — сплошная череда промежуточных экзаменов. Как подумаю, что у меня на один экзамен больше, аж трясет. Не хочу.

Цяо Цзин вдруг замер на месте, словно заело видеокассету.

— Ты чего встал?

Лицо Цяо Цзина побледнело:

— Кажется... мне только что вспомнилось... завтра промежуточный по основам финансов...

— Если память мне не изменяет, это же обязательный предмет по твоей специальности? К сожалению, от него не отказаться, — Сы Инин вогнала в сердце Цяо Цзина еще один кинжал.

Он-то планировал провести весь уик-энд за зубрежкой перед экзаменом, но планы полетели кувырком из-за внезапного визита Чэнь Суйхуая. В субботу он ездил домой за подарком, в воскресенье целый день таскался с Чэнь Суйхуаем по городу, начисто забыв о предстоящей проверке знаний.

Если бы Сы Инин сейчас не напомнила, Цяо Цзин завтра наверняка заявился бы на экзамен с девственной чистотой в голове и руками в карманах.

Это не экзамен, это дорога на плаху.

— Инин, как по-твораешь, какой болезнью мне заболеть, чтобы на законных основаниях попросить перенос экзамена?

Сы Инин посоветовала:

— По мне так, если ты прямо сейчас побежишь в библиотеку и просидишь там всю ночь, может, еще и спасешься... может быть.

<http://bllate.org/book/22420/2354049>